

Иван Аврамов

КТО СРУБИЛ «СВЯЩЕННУЮ МАСЛИНУ»?

Античный детектив

ГЛАВА I

«Священная маслина» бездыханно лежала на рыжеватой, как песок в пустыне, каменистой земле, откликаясь лишь порывам ветра шелестом продолговатых узких листьев; сплошная сизоватая зелень их вдруг открывалась серебристой изнанкой, и тогда дерево казалось точно выкованным из благородного металла, добытого в рудниках Лавриона.

Старая красавица, лет четыреста ей, если не больше, смотрела в небо белыми крохотными, уже незрячими глазками цветков. На дворе стояла весна, и можно было только догадываться, какой обильный урожай собрали бы здесь осенью, с наступлением теплого и ласкового боэдромиона¹.

Пожалуй, единственная примета того, что

---

¹ Боэдромион — согласно древнегреческому календарю, сентябрь-октябрь (Здесь и далее примечания автора).

дерево еще не исторгло последний остаток жизненных сил, был душистый запах, витавший в воздухе — так в это время благоухают оливковые рощи и сады.

Но «священная маслина» всегда оставалась тут в гордом одиночестве. Окружье радиусом в тридцать ступней Геракла² (собственность города, переданная арендатору) являло собой голую, усеянную лишь камнями, землю, где ничто не произрастало — ни виноград, ни ягодные кусты, ни лук с чесноком, ни зеленый сладкий перец. Дерево значилось в списках Ареопага³, который раз в месяц отряжал доверенных людей для осмотра святыни, и раз в год — целую комиссию ревизоров. Никаких претензий к владельцу этого поместья Клеофонту никогда не возникало — он ревностно оберегал находящуюся под государственной опекой оливу, лелеял ее, как малое дитя. Еще бы! Ведь ее

---

² Стадий греческий — это расстояние в 600 ступней Геракла. Как гласит предание, именно столько шагов сделал Геракл с момента, как первые солнечные лучи появились над холмом Крона в Олимпии и до того, как солнце поднялось над землей. Аттический стадий равнялся 177, 6 метра.

³ Ареопаг — орган государственной власти в Древних Афинах.

прародительницей была та самая маслина, которая произросла из копья, воткнутого в землю на Акрополе богиней Афиной, выигравшей спор с могущественным Посейдоном за право обладания Аттикой.

Весть о неслыханном святотатстве в мгновение ока облетело округу, и к поверженному символу полиса во множестве стекался народ. Люди стояли в полном молчании, изредка лишь из чьих-то уст тихо вырывалось:

— Всемогущий Зевс непременно покарает нечестивца!

— А может, тот был не один? Может, их было несколько?

— Кто бы это ни был, он обязательно предстанет перед судом!

— И ответит не только за это немислимое кошунство, а и за смерть добропорядочного Клеофонта!

— Замечательного гражданина, который никогда не уклонялся ни от одной повинности, исправно исполнял литургии, щедро жертвовал на праздники.

— Это уж точно. Ни одна хорегия или гимнасиархия, даже бывало, триеархия ⁴ не

---

⁴ Виды общественной повинности в Древних Афинах для всех граждан, чей имущественный ценз был не меньше трех

обходились без Клеофонта.

— Конечно, он имел с чего жертвовать — стоимость его имущества, думаю, далеко превосходит три таланта.

Самое время сказать, что рядом со срубленной маслиной лежало тело мужчины лет сорока. Лоб его был окровавлен, рассечен — от правого виска до левой брови, вмятина достаточно глубока, от этого удара, скорее всего, топором, он и погиб. Так что ночью, безлунной, непроглядно темной, как кожа нубийца, совершилось двойное убийство — и священного масличного дерева, и законопослушного афинянина, на попечении которого, после смерти молодой жены, оставалось двое сыновей-отроков.

Люди часто бывают недоверчивы, хотя никакими серьезными причинами для этого не располагают. Вот и сейчас по толпе пошел пущенный кем-то слухок — а не могло ли быть так, что сам Клеофонт решился на кощунство, но кто-то оказался свидетелем этого нечестия и наказал негодя тут же, на месте его преступления. Одни, из породы завистников и злопыхателей, тут же спешили поддержать это предположение, другие же, хорошо знавшие убиенного, с отвращением

талантов.

Талант — крупная денежная единица.

сплевывали наземь и тихо негодовали. Кто-то не выдерживал, вполголоса предупреждал:

— Если я дал тебе обол⁵, чтобы ты говорил, то сейчас дам пять, лишь бы ты замолчал!

— Напраслину возвести легче всего! Как можно обвинять человека, если ты его совсем не знаешь!

— Море голубое, да злые языки делают его черным! Кто бы мог подумать — Клеофонта уже превратили в нечестивца и убийцу!

И вдруг кто-то перекрыл удивленным, даже потрясенным возгласом всю разноголосицу толпы:

— Смотрите!.. Да не на меня, а вверх!

Толпа, среди которой тех, кто искренне опечалился, — родичей, соседей, друзей, знакомцев Клеофонта, было не так-то много, а куда больше — зевак, праздных бездельников, просто любопытствующих или случайных прохожих, запрокинула головы вверх и издала вопль, в котором воедино слились ужас и восторг — высоко-высоко в синем, ни единого облачка, небе, угадав единственное место среди сталкивающихся воздушных потоков, где, распластав могучие крылья, можно было без труда оставаться в одной и той же точке, прямо-таки над «священной

---

⁵ Мелкая медная монета.

маслиной» зависла Зевсова птица — небывало огромных размеров орел. Всем было ясно, что это посланец Олимпа, что возмездие не за горами, что боги готовят кару для святотатца, что благочестивый, а многие, очень многие в этом ни капельки не сомневались, Клеофонт, человек несомненно высоких достоинств, будет отмщен.

Божественное вмешательство в странную ситуацию — непонятно, кто, откуда и зачем пошел на эти ужасные преступления, заставило толпу притихнуть, призадуматься, а потом и начать расходиться.

Никто в сутолоке не обратил внимания на достаточно высокого, сухощавого, лет сорока пяти человека с атлетически развернутыми плечами, мускулистого, безусловно крепкого физически; глаза его излучали ум и наблюдательность.

Фокион (так звали этого выделявшегося из толпы человека) не торопился покидать место преступления. Он внимательно вглядывался в серый, кое-где дуплистый ствол масличного дерева, и было видно, что делает он это не ради праздного любопытства. Хотя, ну что интересного можно было там разглядеть? Следы от ударов топора? Наверное, тот, в чьих руках он находился, опытным дровосеком не был, о чем свидетельствовало пять или шесть, случайных, конечно, отметин выше, и три-четыре надрубки ниже, тоже сделанных

невпопад — они теперь уже светились на весьма высоком, по колено, пне.

— Пень никуда не убежит, — пробормотал про себя Фокион, — а вот часть ствола повыше придется отпилить.

Потом его внимание привлек труп Клеофонта. На нем был домашний хитон^б, который обычно накидывают на себя, если надобно ночью выйти в перистиль, на ногах старые разношенные сандалии, в иных местах ремни держались на честном слове. Видно было, что хозяин поместья одевался на скорую руку — уж не оттого ли, что проснулся от стука топора, бьющего по стволу «священной маслины», стволу, кстати, несмотря на возраст, весьма изящному, в половину обхвата? Скорей всего, подумал Фокион, так оно и было.

Присев на корточки, он пристально обследовал взглядом лицо убитого. Кажется, тот отправился в гости к Харону без излишних мучений, от одного-единственного удара, и кое-что убедительно подсказало Фокиону, что и масличное дерево, и его арендатора, блюстителя и заботника, погубил один и тот же злодей.

Фокион дождался прибытия ответственных

---

^б Хитон — мужская, а также и женская, нижняя одежда, наподобие рубашки без рукавов.

посланцев Ареопага, получил их разрешение спилить тот кусок ствола, на котором желтели пять или шесть случайных отметин от топора, пень же остался торчать из земли, он был объявлен неприкосновенным — весьма часто наблюдались случаи, когда останки «священных маслин», погубленных, например, захватчиками-персами, вдруг давали ростки и дерево оживало, крепло, наливалось силой и плодоносило.

Фокион еще о чем-то рассказал представителям Ареопага, со стороны могло показаться, что он нашел нечто общее между деревом Афины и несчастным Клеофонтом, но что именно, ведомо было лишь этим трем да ему самому.

ГЛАВА II

Несколькими днями ранее в Афинах совершилось еще одно святотатство. Неведомый злодей, затаившись после захода солнца на Акрополе и дождавшись, пока наступит безлунная ночь, сломал запор на двери опистодома (закрытой пристройки, примыкающей с запада к Парфенону и отделенной от наоса, центральной части храма, глухой стеной) и совершил кражу. Любой свободный гражданин, и метэк-иностранец, и даже последнее «тело», как афиняне презрительно

называли рабов, знали, что опистодом не что иное, как государственное хранилище, где сберегается храмовая утварь, многочисленные ценные подарки и приношения от горожан и чужеземцев, даже державная казна. Казалось уму непостижимым, что бдительная, хорошо выученная стража проворонила грабителя, но факт остается фактом — он остался не то, что не пойманным, но даже не замеченным.

Пока одни члены следственной комиссии устанавливали, не пахнет ли здесь сговором между охраной и нечестивцем-вором (или ворами), другие сверяли по описи, что же пропало из хранилища. Вскоре выяснилось, что грабителя не интересовало ни золото, ни серебро, ни скульптуры великих мастеров, ни мечи или копья побежденных персов, ни редкие, а то и вовсе редчайшие вазы с черно-лаковой или краснофигурной росписью. Выбор его пал на бронзовую, высотой в две мужских ладони, статуэтку Кекропа, автохтона, рожденного землей, первого царя Аттики, в честь которого и названа эта скала, этот знаменитый холм, на котором сейчас стоит Акрополь.

Те, кто раньше имел счастливую возможность лицезреть бронзового сына Геи, утверждали, что это творение великого мастера, имя которого история, к сожалению, не сохранила. Царь предстал в облике получеловека-полузмея. Лицо его было обрамлено густой бородой, волнистые

волосы поддерживал венок из оливковой ветви, вместо ног — два гибких и сильных змеиных туловища.

Афиняне знали, насколько благочестив был их царственный, даже божественный предок — он первым назвал Зевса верховным богом. Он отменил кровавые жертвы, вместо них предавал священному огню ячменные лепешки. Некоторые умники даже утверждали, что именно Кекроп, а не Зевс-Громовержец признал победительницей Афины-Девственницу в ее споре с Посейдоном за обладание Аттикой — олива, выросшая из ее копья, сулила городу куда большую пользу, нежели фонтан чистой воды, забивший из земли от удара трезубца покровителя морской стихии.

И все же трудно было понять, почему вор-святотатец ограничил свою добычу единственно лишь бронзовым Кекропом, почему не набил суму золотыми статерами или серебряными декадрахмами, другими драгоценностями, благодаря которым его жизнь стала бы сплошной усладой. Поклоняется единственно лишь Кекропу? Презирает богатство? Или им двигал совершенно иной умысел, разгадать который пока что не удастся? И удастся ли когда-нибудь вообще?

Как только стало известно о преступлении, совершенном с неслыханной дерзостью (и где? покусились на святая святых — Парфенон!), вход